

Рецензия
УДК 394
doi: 10.17223/2312461X/39/13

Соавтор японской нации

Мещеряков А.Н. Остаться японцем: Янагита Кунио и его команда. Этнология как форма существования японского народа. М.: Лингвистика, 2020. 352 с.
ISBN 978-5-91922-082-4

Для цитирования: Банников К.Л. Соавтор японской нации // Сибирские исторические исследования. 2023. № 1. С. 250–256. doi: 10.17223/2312461X/39/13

For citation: Bannikov, K.L. (2023) Co-Author of the Japanese Nation (Review of Meshcheriakov A.N. *Ostat'sia iapontsem: Ianagita Kunio i ego komanda. Etnologija kak forma sushchestvovaniia iaponskogo Naroda* [Staying Japanese: Yanagita Kunio and his team. Ethnology as a form of existence of the Japanese people]. Moscow: "Lingvistika", 2020. 352 p. ISBN 978-5-91922-082-4). DOI: 10.4324/9780429432095). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 250–256 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/39/13

Для любого, даже самого захудалого японоведа, к которому скромно относит себя автор этого нескромного, уже по факту замысла, опуса, Янагита Кунио является фигурой уважаемой, божественной, хотя уже и не повергающей адептов в сакральный трепет, но все еще наделенной статусом «основателя японской этнологии» (с. 17).

Александра Николаевича Мещерякова мы с моими университетскими сокурсниками отделения истории мировой культуры Новосибирского государственного педагогического университета тридцать лет тому назад также почитали в качестве одного из восьми мириад японских богов, переселившегося с Великой Тростниковой равнины на Среднерусскую. Поэтому его монография всколыхнула во мне бездну носталь-

гических чувств, и от созерцания портретов японских этнологов и антропологов, оживающих на его страницах, слезами увлажняются рукава моего иллюзорного кимоно.

Итак, кто такой Янагита? Согласно оглавлению, он – «ребенок, юноша, поэт, чиновник, путешественник, собиратель фольклора, газетчик, дипломат, этнолог, сельский учитель, юбиляр, то ли пропагандист, то ли вольнодумец». Все это главы книги, постранично структурирующие жизненный путь и посмертную славу своего героя.

«Янагита Кунио (1875–1962) прожил длинную жизнь. Он застал почти не тронутую западным влиянием деревенскую Японию, он умер, когда подавляющее количество японцев сделались горожанами. Когда он родился, японской нации еще не существовало. Когда умер, она давно сформировалась. И Янагита внес огромный вклад в то, чтобы она стала таковой, какой стала». Так начинает автор свое повествование, хронологически охватывающее почти столетие, и приступает к исследованию переплетения частной биографии с судьбой народа.

Книга изобилует событиями, эпизодами, биографическими подробностями, данными в описании с кинематографической детализацией. Особую этнографическую ценность имеют описания японских сообществ, в среде которых формировалась личность героя – начиная от самого раннего периода жизни маленького Кунио в его родной деревне, с его детскими шалостями и взрослыми нравами, бытом, обычаями, взглядами, закладывавшими фундамент его дальнейших профессиональных интересов.

Не менее увлекательно, познавательно и с чисто японским изяществом мастера каллиграфии, способного движением кисти изобразить бездны смыслов, автор описывает и трудовую биографию своего героя. Так, скользя вслед за автором по волнам судьбы Янагиты, мы открываем нюансы международной дипломатии начала XX в., о которых нам не рассказывали на истфаках. Янагита сделал блестящую карьеру международного чиновника, и за труды по урегулированию имущественных вопросов, возникших после Русско-японской войны, он получает от России орден Святой Анны 2-й степени. Оказывается, Россия после поражения в Русско-японской войне раздавала ордена японским чиновникам. За подготовку юридических документов по присоединению Кореи он получает японский орден Священного сокровища (1910 г.), в 1913-м году Норвегия награждает его орденом за подготовку торгового договора.

Одновременно с госслужбой он изучает родную страну, путешествует по ее отдаленным уголкам, собирает фольклор «бьющей через край деревенской дикости» (с. 83).

Янагита по долгу службы чиновника юридического отдела министерства сельского хозяйства с командировками изъездил всю страну, забирался в самые глухие места, т.е. вел интенсивную полевую работу, от которой познания японской этнографии у него сложились изрядные.

Явственно передана атмосфера японского общества «эпохи перемен» с ощущением того, как растворяются в волнах модернизации эпохи Мэйдзи привычки древних самураев в процессах адаптации их потомков к новой жизни, и как сквозь вызовы наступающего времени машин и технологий актуализируются те или иные мировоззренческие аспекты традиционной культуры и мобилизуются на поиски новых основ для идентичностей в столь радикально и стремительно меняющемся мире.

Всего за сто лет – со второй половины XIX по вторую половину XX в. – японская идентичность претерпела ряд существенных и кардинальных трансформаций. В книге содержится ряд тонких и важных для понимания культурно-исторических процессов наблюдений. В частности показано, как те или иные, разные или идентичные культурные явления в метаморфозах политической, экономической, социальной истории могут стать факторами интеграции или дезинтеграции мировоззрения и самосознания, как соотносится самосознание с мировоззрением, инновации с традициями, психологические комплексы с академическим образованием, как преломляются системы традиционных и инновационных знаний в индивидуальных и коллективных когнитивных процессах и формируют коммуникативные поля культурно значимой информации – имматериальной сущности народа. И исследование А.Н. Мещерякова, как в капле – нет, в Палантире – отдельной судьбы Янагиты Кунио отразило проекции мировоззренческих идей, популярных в народе и в кругу интеллектуалов, пытавшихся свой народ осмыслить. Некоторые из рефлекслируемых культурных и идеологических концептов стоит назвать.

Главным духовным движением Революции (для прогрессистов) или Реставрации (для консерваторов) Мэйдзи была реактуализация синто, местами радикальная, до попыток отторжения буддизма, как «иностранный учения», вплоть до отдельных случаев погромов буддистских храмов.

В народе эпохи Мэйдзи активизировались архаические культовые практики, в научных кругах началось увлечение этногенезом японцев, поиски корней, погружение в историю первобытности.

«Истинную японскость» литературоведы искали в древних текстах, Янагита – в «простых людях», полагая, что письменная культура существует в отрыве от «истинно народной», и, в силу своего не по-японски конфликтного характера, поддерживал искусственно спровоцированный конфликт между историками и этнологами.

Поэты экспериментировали с поэзией и обращались к своей японской поэтической «античности». Был поэтом и сам император, был поэтом и Янагита, поэтами, казалось, были все вокруг. Поэт в Японии – больше, чем поэт.

Из книги мы узнаем, какую роль играли японские мифы в формировании официальной идеологии, и как их препарировали идеологи «истинной японскости»: «Ярким примером может послужить сочинение

профессора Токийского императорского университета Хага Яити «Десять этюдов о национальном характере», увидевшее свет в 1907 г. Янагита учился у него в гимназии. Хага был одним из ученых-публицистов, кто стал исключать из истории японской литературы написанные в Японии по-китайски тексты, что соответствовало общему курсу на выявление в японской культуре 'истинно' японского» (с. 97).

Поэты черпали вдохновение, восхваляя красоты родной природы. Стало быть, и природа рассматривалась в качестве среды идентичности добродетельного японца.

Даже вера в привидения (с. 79) может в определенных исторических контекстах стать этномобилизующим фактором. «Заморские привидения произвели такие впечатления на японцев, что они стали видеть их у себя на родине» (с. 80).

С началом милитаризации общества Японии рождающаяся нация строила себя и свою идентичность в колониальной экспансии, актуализируя то, от чего еще недавно как бы избавлялась. В военные годы как нельзя кстати пришелся путь самурая, точнее, его культивируемое пропагандой отношение к смерти как к цели (с. 200–201). Военные успехи Японии способствовали преодолению комплекса неполноценности перед технологической мощью Запада, который сменился комплексом духовного превосходства над ним же.

С приобретением колоний дискуссия об этногенезе японцев обостряется, «официальная точка зрения заключалась в том, что Япония, как 'настоящая' империя, – страна многонациональная, а японский народ ("народ Ямато") сформировался в результате взаимодействия нескольких этносов. Разумеется, при ведущей роли "народа Ямато", который выступал в качестве покорителя 'варваров'» (с. 81). Страна возжелала избавиться от эпитета «островная» и сформировала имперско-континентальную идентичность.

Поражение Японии во Второй мировой войне вызвало вторую редакцию комплекса неполноценности, преодолению которого способствовала новая национальная идея. Идея многонациональной империи до войны, после войны сменилась идеей понимать японцев как мононацию миролюбия и социальной гармонии.

То была идея Янагиты, искавшего «японскую идентичность в простых людях (главным образом крестьянах)» (с. 98). В довоенный агрессивный экспансионистский период эта его идея о японской мононации была диссидентской, после войны она стала мейнстримом.

Никогда не был мейнстримом сам Янагита. Когда официальная идеология говорила о синто как о религии, центральное место в которой занимает император, в сочинениях Янагиты «Японские синтоистские празднества» (1942), «Синто и этнология» (1943) об императоре не говорится ни слова, и это, согласно мнению автора, следует расценивать как вольно-

думство (с. 202). «Самостоятельность мышления и нежелание встраиваться в идейный мейнстрим были отличительными чертами характера Янагиты» (с. 85), в силу которых он дистанцировался от мейнстрима милитаризма и колониализма. Так, принцип организации ума исследователя – изучать систему можно лишь оставаясь вне системы – в иные времена оказывается инстинктом самосохранения. И здесь Кунио Янагита всем нам, кому выпало жить в «эпоху перемен», – пример, достойный подражания.

На примере того, как «штормит» японскую национальную идею в зависимости от исторического и политического контекста, мы видим, насколько пластична сама идея этой идеи. И насколько эффективно, в качестве стабилизатора этой стихии, работает фактор объективной примордиалистской этничности, приглашающий прильнуть к корням, когда ураганы истории гнут и ломают кроны.

Книга Мещерякова показывает, насколько разнообразны и даже полярны бывают факторы японской самоидентификации. И чем выше разница этих полюсов, тем интенсивнее процесс самоидентификации, тем самобытнее обретаемая в нем «японскость», ибо, как считает автор, «идентификация нации – это процесс. Если его остановить, то идентификации не будет. Этой пищей следует питаться каждый день» (с. 304).

А.Н. Мещеряков специально не останавливается на уточнении общего определения нации; его конструктивистское понимание сути этого явления следует из контекста и акцентируется в заключении:

«В результате мощного послевоенного дискурса, в истоках которого находился Янагита, был сконструирован новый вариант ‘японской монации’, которая обладала множеством уникальных черт. ‘Конструкторы’ допустили при этом множество ошибок, передержек и неточностей, но в этом варианте по большей части напрочь отсутствовала агрессивная составляющая. Цель этого дискурса состояла в объединении всех японцев для осуществления мирных целей и для достижения психологического комфорта, которым обладал тот японец, который видел себя окруженным высоким “духовным” забором. И это при том, что видимая (материальная) часть японской жизни глобализировалась страшно быстро» (с. 313).

«Глобализация разрушила внешние проявления ‘японскости’, что стимулировало ее поиск в невидимых сущностях» (с. 302). Итак, нация – это категория из разряда невидимых сущностей. И в самом деле, такая видимая сущность, как японский виски Nikko, при всех его превосходных достоинствах, не превращает японца в шотландца.

Из «невидимых сущностей» во время войны отмечалось стремление японцев к героическому самопожертвованию, а в послевоенное мирное время – феноменально низкий уровень агрессии. В книге приводятся сравнительные статистические данные ООН за 2017 г. по умышленным убийствам на 100 тысяч человек: 5,35 – в США, 10,82 – в России,

29,53 – в Бразилии и 0,28 – в Японии. В качестве другой «невидимой сущности японскости» автор, как и весь мир, отмечает паталогическую неспособность японцев к расхищению «видимых сущностей» – к мародерству. В отличие от мгновенного одичания американцев во время стихийных бедствий, в Японии не разграбляется ни один ларек, ни один частный сейф. Японец, в глобализации потерявший повседневное кимоно, продолжает ежесекундно избегать потери лица.

С позиций конструктивизма и на основании компетенции действительно великого знатока японской истории и культуры он критикует и примордиальные воззрения своего героя на японцев, которых Янагита и другие примордиалисты-романтики выводили из каменного века.

При этом А.Н. Мещеряков подчеркивает объективность субъективного в качественном состоянии культуры: «Все ученые рассуждения относительно иллюзорности ‘воображаемых сообществ’ и ‘изобретенных традиций’ меркнут перед верой в исконность существования наций с их ‘исконными’ традициями» (с. 312).

«Япония менялась, менялся и Янагита, его идеи, взгляды» (с. 16). И действительно, книга бесподобно отражает в судьбе отдельной незаурядной личности и историю трансформации целого народа, и историю осмысления данной личностью этой трансформации, и собственное место в ней.

Отмечая многочисленные недостатки, натяжки, умозрительность, игнорирование и передергивание фактов и другие недостатки в научных концепциях Янагиты, подчиненных его убеждениям и темпераменту, автор отдает ему должное в главном, утверждая, что он внес в формирование и развитие японской нации огромный вклад и лично способствовал тому, чтобы его наука этнология стала формой существования японского народа.

На протяжении своей активной жизни Янагита много чего предлагал японскому народу, но в формирование японской нации внес вклад Янагита-примордиалист, искавший основы этой исконной японскости. Янагита-эсперантист на формирование японской нации заметного влияния не оказал, и в конце концов сам пал, задушенный Янагитой-примордиалистом. То есть именно японская этнология, а не эсперанто, отвечала чаяниям японского народа в его становлении в формате нации, и смогла стать формой его существования постольку, поскольку японский народ нуждался не в эсперанто, а в этнологии, и для постижении основ своих видимых и невидимых сущностей и обращался за этим к этнологам как к медиумам. Подобным образом и с теми же смыслами обитатели иных селений за связью с другими невидимыми сущностям обращаются к своим шаманкам. В Японии этнолог – это шаман этнических сущностей.

Из книги мы узнаем, насколько основательно подошла этнология в Японии к задачам «формирования существования японского народа»:

здесь получить специальность по этнологии и защитить диссертацию можно, как утверждает автор, в пятидесяти двух университетах.

Автор отмечает и такую важную деталь, как самодостаточность японской этнологии, написанной преимущественно о японцах и на японском языке, за что на него «по-детски дуется» то сообщество, «которое гордо именуется себя ‘международным’ на том основании, что изъясняется по-английски» (с. 310). Японская этнология не ставит перед собой задачу стать частью «международного сообщества», являясь «частью мощного дискурса, нацеленного на самописание и самоконструирование этноса, и капризное требование изъясняться по-английски равносильно упреку японскому писателю, что он демонстрирует непонимание азбучных истин рынка и продолжает сочинять романы на родном языке. <...> К японскому этнологу следует относиться прежде всего как к японцу» (с. 311). К японцу, в чьих жилах течет кровь древних ва, кумасо и эбису, – добавлю от себя не без трепета.

В XX в. все они, включая духов своих предков, умудрились превратить науку в институт консолидации и мобилизации японского народа, активировав в ней этносоциальные функции, подобные тем, какие выполняли и продолжают выполнять синтоистские храмы.

Исследование А.Н. Мещерякова, написанное ярким литературным языком, с тонким юмором, легкой иронией, читается на одном дыхании, словно приключенческий роман. Мещеряков местами подтрунивает над Янагитой и другими своими героями, потому что он их на самом деле очень любит. Поэтому эта книга о любви. О том, как может любить Мастер, познавший другую культуру как собственную, плоды трудов своих, и любоваться ими, подобно эстету эпохи Хэйан, созерцающему в несовершенстве недосказанность как состояние истинной красоты.

Константин Леонардович Банников

Сведения об авторе:

БАНИКОВ Константин Леонардович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: bannikov@iea.ras.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Konstantin L. Bannikov, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: bannikov@iea.ras.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30 января 2023 г.;
принята к публикации 01 марта 2023 г.*

*The article was submitted 30.01.2023;
accepted for publication 01.03.2023.*